

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Работа представлена кафедрой политологии.

Демократия укореняется там, где система государственного управления погружена в среду граждански активного общества. Без непосредственного участия граждан, т. е. реального «демократического оборота» утрачивается главный критерий, позволяющий отличить подлинно демократический процесс от формального. Поэтому в контексте исследования соотношения демократизации и гражданского общества так важно понимать потенциальные демократические функции гражданского общества.

Ключевые слова: демократия, демократизация, гражданское общество, формальная демократизация, общественная демократизация, политическое участие, политические аспекты гражданского общества; социальные движения, политические акторы, процесс включения, консолидация демократии, социальная самоорганизация.

L. Gainutdinova

DEMOCRATIC FUNCTIONS OF CIVIL SOCIETY

Democracy takes roots where the system of state governing is absorbed by the environment of a civilly active society. Without any direct participation of citizens, the main criterion, which makes it possible to distinguish a real democratic process from a formal one, is lost. That is why it is very important to understand the potential democratic functions of civil society in the context of exploring the correlation of democratisation and civil society.

Key words: democracy, democratisation, civil society, formal democratisation; public democratisation, political participation, political aspects of civil society, social movements, political actors, process of inclusion, consolidation of democracy, social self-organisation.

В современной политологической литературе гражданское общество стало ключевым концептом в изучении процесса демократизации. Однако следует отметить, в то время как демократия была одной из основных тем политических исследований, процесс демократизации изучен достаточно слабо. Если под демократией в основном понимается форма коллективного принятия решений, основанная на принципах общественного контроля и политического равенства, то демократизация – это

процесс, ведущий к демократии, который имеет как формальное институциональное, так и неформальное, но более качественное общественное измерение. Переходы от авторитарного правления в Южной Европе в 1970-х гг. и позже в Латинской Америке, меньше в Азии и Африке сделали изучение процессов демократизации приоритетной областью исследования политической науки [1]. Неожиданное и внезапное крушение тоталитарных режимов в Восточной Европе привело к тому, что боль-

шинство исследователей используют узкое определение демократии, как формальный процесс электоральных выборов [19]. Главным аргументом для подобного определения демократии является то, что она предоставляет инструмент для эмпирического исследования процесса демократизации: демократия становится так сказать «измеримой». Если применить более широкое определение демократии, включающее не только наличие формальных институтов, но и развитых форм общественной жизни, то анализ процессов демократизации становится весьма и весьма сложным. Вслед за Дэвидом Битамом [5, р. 55] мы считаем демократию «методом принятия решений по поводу коллективно связывающих правил и политик, в отношении которых люди применяют контроль». Наиболее демократической мерой является «то, когда все члены сообщества пользуются эффективными равными правами и принимают прямое участие в принятии решений» [5, р. 55]. Таким образом, основными компонентами этого определения является народный контроль и политическое равенство.

В самом общем смысле демократизация означает процесс политических и социальных изменений, направленных на установление демократического строя и органически связана с переходом от традиционного общества к современному. Таким образом, в определении демократизации в основном делается акцент на власти и на социальных отношениях, поэтому существование формальных демократических институтов, несмотря на то, что это является необходимым условием, совсем недостаточно для того, чтобы демократия существовала. Тем не менее современная политическая теория видит наиболее надежный и методологически корректный инструмент разграничения авторитарных и демократических систем именно в формальных, процедурных аспектах функционирования общественного устройства. Однако формально-правовой подход к определению сущности политической системы скорее соответствует американской политологической традиции, которая делает акцент главным образом на избирательных процессах. Европейская же традиция придает большее значения социально-экономическим

параметрам системы и ее содержательным характеристикам.

Так, например, шведский исследователь А. Улин [20, р.19] в своем исследовании фокусируется не только на формальных институтах демократизации, но и на форме общественной демократизации. По его мнению, эти два аспекта демократического процесса аналитически различны: формальная институциональная демократизация и общественная демократизация могут сопровождать и укреплять друг друга, но в то же время они могут и конфликтовать. Некий процесс формальной институционализации демократии может, к примеру, быть препятствием общественной демократизации и углублению демократии. Д. Коэн и Э. Арато [2, с. 28–29] справедливо отмечают, что если из «демократического оборота» изымается непосредственное участие граждан, то практически невозможно определить, является государственное устройство той или иной страны демократическим или нет, поскольку утрачивается главный критерий, позволяющий отличить подлинно демократический процесс от формального ритуала, систематического манипулирования и управляемого согласия.

Важной задачей при исследовании процессов демократизации является определение политически релевантных акторов внутри гражданского общества. В этом контексте неполитические организации чаще всего исключаются, и причина такого исключения в том, что исследователей интересует не гражданское общество вообще, а определенные политические аспекты гражданского общества, т. е. его влияние на демократизацию. В этом отношении политически ориентированные группы гражданского общества, такие как организации, связывающие людей на основе каких-то интересов, группы защитников и социальные движения имеют больше общего с политическими партиями, чем какие-либо религиозные, этнические организации и группы досуга, действующие внутри гражданского общества.

В то время как большинство размышлений по поводу гражданского общества и демократии имеет дело с национальным уровнем, необходимо помнить, что наиболее важной для гражданского общества является политика на

местном уровне. Как отмечает Л. Даймонд [7, р. 9], демократизация местного самоуправления идет рука об руку с развитием гражданского общества.

В литературе существует множество гипотез, а также более или менее обоснованных эмпирических исследований взаимоотношений гражданского общества и демократии. Основные идеи в этой области можно подразделить на два основных аспекта:

- жизнь ассоциаций дает толчок к развитию гражданской ответственности;
- гражданское общество независимо от государства и поэтому способно организовать сопротивление авторитарным режимам.

В этом контексте, изучая поэтапно процесс демократизации, А. Улин [20, р. 36] делает различие между ролью гражданского общества предпереходного этапа в авторитарном режиме, в периоде перехода и в постпереходной фазе: если во время переходного периода гражданское общество является одной из значительных сил против авторитарного государства, то в постпереходной фазе гражданское общество осуществляет смесь функций, которые, с одной стороны, поддерживают государство, а с другой, противодействуют ему. В авторитарном режиме те формы гражданского общества, которые могут существовать и могут формировать параллельное общество, устанавливая независимые институты, вступают в противоборство за осуществление функций, на которые претендует государство с тоталитарными амбициями.

Анализируя процесс постсоциалистической трансформации, А. Улин [20, р. 36–37] представляет демократические функции гражданского общества в виде некоторой схемы:

Предтрансформационная

- параллельное общество под авторитарным режимом (защищающаяся) (ОД – общественная демократия).

Предтрансформационная / переходная

- возникновение оппозиционных по отношению к авторитаризму сил (мобилизационная) (ФД – формальная демократия).

Посттранзиционная

- возникновение политических акторов для новых демократий (ФД).

Но: ослабевает гражданское общество (ОД).

Противовес злоупотреблениям государственной власти (противодействующая сила) (ФД).

Но: сильное государство необходимо для демократии.

Агрегация, артикуляция и представление интересов (оказание влияния на государственную политику) (ФД).

Но: существует риск, что интересы влиятельной группы могут преобладать над общественным благом.

Помощь государству (включение в государство) (ФД).

Но: включение не обязательно ведет к политическому влиянию (ФД) и может ослабить гражданское общество (ОД).

Нарастающее политическое участие (ОД).

Но: участие не обязательно означает влияния.

Создание социального капитала (ОД-ФД).

Но: также появление плохого социального капитала.

Таким образом, можно выделить семь демократических функций гражданского общества:

1. *Формирование параллельного общества путем игнорирования или обхода авторитарного/посттоталитарного режима.*

Эту функцию было трудно реализовать в Советском Союзе до периода перестройки. Политические возможности были слишком ограничены по сравнению с некоторыми государствами-сателлитами в Центральной и Восточной Европе.

2. *Мобилизация сопротивления авторитарному режиму.*

Эта функция была успешно реализована зарождающимся гражданским обществом в России во время перестройки и гласности. Новые независимые движения и группы, поддерживаемые транснациональными организациями гражданского общества, сыграли важную роль в процессе, приведшем к уничтожению коммунистического режима и развалу Советского Союза.

3. *Формирование политических акторов для новых демократий.*

В странах Балтии гражданское общество реализовало и эту демократическую функцию.

Новые политические лидеры в значительной степени были рекрутированы из различных продемократических движений и движений за независимость. В отличие от этого, продемократическое движение в России было не готово взять власть, и большинство активистов гражданского общества оказалось маргинализовано, в то время как процесс возглавили сильные политические и экономические лидеры. Несмотря на это, некоторые видные активисты гражданского общества вошли в государственную власть.

4. Выявление и пресечение злоупотреблений государственной властью, с тем чтобы снизить уровень доминирования государства.

Эта функция практически не была реализована ни в одном из постсоветских гражданских обществ. Большинство акторов гражданского общества оказались не заинтересованы в осуществлении контроля злоупотреблений государственной власти. Они в большей степени ориентированы на осуществление определенных функций в сфере социального обеспечения, часто сотрудничая в этом с властями. Отдельные группы гражданского общества, которые пытаются стать противовесом государству в некоторых сферах, как правило, слишком слабы для того, чтобы иметь какое-либо реальное политическое влияние. Они зависят от иностранных доноров, и эта зависимость ограничивает их поддержку и потенциал влияния на местную политику. В то же время, в целом, видимо, можно говорить о том, что транснациональная сеть организаций гражданского общества усиливает активность местных групп гражданского общества, и существует целый ряд примеров того, как группы постсоветского гражданского общества использовали международные возможности в ситуациях, когда их политические возможности представлялись ограниченными. Формирование транснациональных гражданских обществ само по себе является тем процессом, который может ослабить доминирование государства. Значимость территориальных государственных границ все больше подвергается сомнению со стороны акторов гражданского общества, создающих транснациональные публичные пространства, и активисты пост-

советского гражданского общества принимают участие в этом процессе. Однако пока нельзя сказать, до какой степени это может способствовать развитию транснациональных форм демократии.

5. Агрегирование, артикуляция и представление интересов.

Эта функция также еще пока относительно слабо реализуется группами постсоветского гражданского общества. Низкий уровень членства в большинстве групп гражданского общества указывает на неудачу в деле агрегирования интересов, и большинство индикаторов демонстрируют недостаток реального влияния на государственную политику.

6. Помощь государству в разработке и реализации политики в различных сферах.

Более часто реализуется постсоветскими негосударственными организациями (НГО), но возникает большой вопрос, насколько это действительно усиливает демократию. В российских регионах прослеживается ярко выраженная тенденция включать умеренные группы гражданского общества в «партнерство» с местными властями и бизнесом. Эта форма включения не отвечает критериям блага для демократии в соответствии с критериями, предложенными Дж. Друзеком [8, р. 481], по мнению которого, включение групп гражданского общества в государство благоприятно для демократии только при соблюдении двух условий:

1) основные интересы группы могут быть ассимилированы с устоявшимися или возникающими государственными императивами. Если это не так, то включение закончится кооптацией, и группа не получит никакого реального влияния;

2) гражданское общество не ослабляется в результате вхождения группы или организации в государство. Давление в сторону демократии почти всегда исходит из оппозиционного гражданского общества. Если продемократические акторы покидают гражданское общество для того, чтобы войти в государство, такое давление может ослабнуть. Избегать включения в государство не означает, что группы гражданского общества должны оставаться без власти. Власть гражданского общества может

реализовываться несколькими способами, включая изменение политического дискурса, легитимизацию определенных форм коллективного действия, создание политико-ориентированных институтов внутри гражданского общества и протестную деятельность, которая ведет к ответным реакциям правительства. Стратегическое решение акторов гражданского общества – выбрать определенную форму включения в государство или попытаться получить политическое влияние внутри гражданского общества зависит от типа режима. При авторитарном режиме риск кооптации очевиден, в то время как перспективы взаимовыгодных отношений государства и гражданского общества несколько лучше при более демократическом режиме.

Однако нет свидетельств того, что основные озабоченности групп гражданского общества могут быть восприняты государством. Наоборот, создается впечатление, что большинство предложений со стороны гражданского общества не получают поддержки от руководителей органов власти на местном, региональном и национальном/федеральном уровне. В результате гражданское общество как независимая сфера, где могут действовать критически настроенные и оппозиционные группы, ослабляется процессом включения, где лидирующее положение занимает государство.

7. Рост политического участия.

Эта функция в определенной степени реализуется самим фактом существования множества групп, работающих в разных сферах, однако не все эти группы носят продемократический характер. Многие из них – более или менее аполитичны, а некоторые могут быть антидемократическими. Даже среди групп гражданского общества с ярко выраженными демократическими целями может возникнуть проблема с внутренней демократией. Исследования показывают, что лидеры организаций часто руководят в большей или меньшей степени единолично, оставляя, таким образом, мало места для политического участия. Большинство негосударственных организаций имеют исполнительный комитет, который избирается на пять лет и, как утверждается, собирается на регулярной основе. В действительности

процесс принятия решений носит значительно менее формальный характер. Достаточной информации об уровне внутренней демократии в группах гражданского общества нет, однако есть основания для того, чтобы сделать вывод о существовании в них проблем с демократией [9, р. 255].

Оценка степени влияния постсоветских гражданских обществ на политическое участие несколько противоречива. Партиципаторные формы принятия решений достаточно редки в большинстве групп гражданского общества, и большинство организаций гражданского общества не носят прямого политического характера, и/или им не хватает устойчивых связей с широкой общественностью. Но значительное число групп гражданского общества стремятся дойти до этой общественности, имея тем самым потенциал для расширения массового политического участия [20, р. 39].

Анализируя взаимосвязь и взаимозависимость гражданского общества и демократии, необходимо подчеркнуть, что гражданское общество увеличивает коллективное доверие и толерантность среди граждан, тем самым усиливая демократию. Гражданское общество поддерживает демократию, поддерживая простор для демократического участия и создавая каналы этого участия. Однако, как уже отмечалось, существует различие между участием и влиянием. Широко распространенная идея об участии в работе структур гражданского общества не является гарантией реального влияния на политический процесс и принятия решений как в политике вообще, так и внутри специфических организаций гражданского общества. Существование большого количества групп гражданского общества автоматически не означает, что все его члены имеют возможность влиять на власть.

Существует гипотеза о том, что гражданское общество укрепляет демократию, создавая общественный капитал [20, р. 163]. Как формальная, так и общественная демократия усиливаются коллективным доверием и терпимостью граждан, которые развиваются и возникают внутри гражданского общества. Однако гражданское общество, влияя на развитие демократической политической культуры,

т. е. формирование общественного капитала в виде ценностей доверия и сотрудничества и формирования публичной сферы, не всегда поддерживает демократию. Как подчеркивает М. Леви [11, р. 51], определенные круги и сети структур гражданского общества часто отстаивают идею доверия внутри определенной структуры, но выказывают недоверие тем, кто вне этого круга. Следовательно, гражданское общество может приводить к возникновению и «плохого общественного капитала».

Критические комментарии, которые были приведены выше, указывают на необходимость отказаться от чрезмерного романтического взгляда на гражданское общество, как общества, которое все время поддерживает демократию. Либеральные теоретики [6, р. 2] склоняются к тому, чтобы определить гражданское общество как совокупность ассоциаций и движений, которые поддерживают либеральную демократию, отождествляя гражданское общество с либеральной демократией, а группы, которые не поддерживают либеральную демократию, определяют как ангажированные. Конечно, исторически прослеживается тесная связь между либерализмом и демократией, и это не просто совпадение. Как утверждает Марк Ф. Платтнер [15], попытки провести границу либо установить четкую последовательность между либерализмом и либеральной демократией бесполезны, поскольку история развитых западных демократий во многом представляет собой историю одновременного становления либерализма и демократии и их взаимного укрепления. Однако, по мнению А. Улина [20, р. 39], нет оснований полагать, что гражданское общество не способно подорвать демократический режим в той же степени, как и авторитарный. Элементы гражданского общества могут на самом деле занимать любую позицию по отношению к демократии: от поддержки авторитаризма, занимая пассивную позицию, до активной борьбы за различные формы демократии. Очень легко найти примеры антидемократических объединений внутри гражданских обществ. Поэтому нельзя считать, что активное гражданское общество по определению

и в принципе поддерживает демократию, так как само по себе оно может иметь и антидемократическую тенденцию. Некоторые исследователи вообще делят организации на те, которые относятся к гражданскому обществу, и те, которые относятся к его «негражданским» аналогам, препятствующим процессам демократизации: тайные организации, клиентелистские сети, антидемократические, нетолерантные иерархические структуры, незаконно действующие подпольные, преследуемые законом организации [10].

Таким образом, гражданское общество является необходимым, но недостаточным условием демократии. Возникновение гражданского общества может поддержать демократию, формируя параллельное общество, находящееся под авторитарным режимом, а также мобилизуя оппозиционные силы против авторитарного режима. Следуя за переходным периодом, гражданское общество может укрепить демократию, производя политических игроков для новых демократий или являясь противовесом злоупотреблениям государственной власти, агрегируя и артикулируя интересы, помогая государству в создании и внедрении публичных политик, увеличивая политическое участие и укрепляя атмосферу коллективного доверия и терпимости между гражданами. Для этих заключений Х. Линц и А. Степан [13, р. 8] дают ряд очень важных пояснений.

Во-первых, акторы гражданского общества являются не только демократами, «в лучшем случае гражданское общество может разрушить недемократический режим, однако полный переход к демократии и в особенности демократическая консолидация должны включать политическое общество».

Во-вторых, резкое различие между государством и гражданским обществом является неправильным. Демократизация должна включать трансформацию как государства, так и гражданского общества, которые на самом деле очень тесно взаимосвязаны.

В-третьих, включение акторов гражданского общества в государство может ослабить гражданское общество, что является негативным фактором для общественной демократии.

Известно, что основные черты демократического политического порядка – это отделение государства от гражданского общества, наличие множества центров принятия решений, многообразие каналов представительства, контроль над властью. В рамках такого порядка функционирует система горизонтальных властных отношений, а граждане непосредственно участвуют в политическом процессе. Политическая активность граждан, их готовность к реализации политических прав и свобод, предоставляемых формально существующими институтами демократии, в целом и является основой институционализации демократии, представляющей собой процесс, с одной стороны, отделения гражданского общества от государства и, с другой стороны, соединения посредством свободных политических выборов. Поэтому в контексте исследования соотношения демократизации и гражданского общества так важно понимать потенциальные демократические функции гражданского общества, влияние которых можно распространить не только на формальную демократию, но и на социальную и экономическую демократию [2, с. 633–638]. К тому же, особенности участия граждан в политическом процессе и их взаимодействия с властью могут сказать значительно больше о возможностях демократического развития, нежели данные о формальных институтах [3, с. 17]. По мнению Дж. Коэна и Э. Арато [2, с. 707], основная задача гражданского общества в процессе становления демократии заключается не в терминах достижения определенных содержательных целей, а скорее в терминах демократизации ценностей, норм и институтов, которые в конечном счете внедряются в политическую культуру.

Как известно, целью и ожидаемым результатом процесса демократизации является консолидация демократии [4, с. 225]. К основным критериям консолидации демократии Х. Линц и А. Степан [12, р. 17] относят:

- 1) свободное и жизнеспособное гражданское общество;
- 2) автономное политическое общество;
- 3) наличие правового государства;

4) лояльную по отношению к демократии бюрократию;

5) институционализированное экономическое общество.

В более мягком виде Х. Линц и А. Степан [12, р. 15] определяют критерии консолидации как состояние системы, когда демократия стала единственной признаваемой всеми игрой. Консолидация демократии есть процесс обоснования новых политических отношений не только в смысле субъективного принятия ее ценностей и норм, но и в смысле надежности дальнейшего функционирования демократических институтов. Сам процесс консолидации демократии, по мнению О’Доннелла и Ф. Шмиттера [14, р. 73, 89], включает в себя мобилизацию гражданского общества в политических формах его выражения и развитие относительно стабильной партийной системы, способной обеспечивать формирование ответственного перед народом правительства.

По мнению Ф. Шмиттера [17], консолидация демократии осуществляется не на основе выбора какого-либо одного режима, а через поиск положительных элементов многих режимов, включая и использование некоторых традиционных институтов и норм. Более того, значительную роль в консолидации демократии играют неформализованные политические процессы и факторы. По мнению Х. Линца и А. Степана [13, р. 3], несомненным критерием свершившегося демократического перехода является формирование правительства, имеющего власть и избранного на свободных и справедливых общих выборах. То есть демократический переход считается завершенным, когда деятельность всех ветвей власти имеет высокий уровень свободы от влияния со стороны военных, религиозных структур и других авторитарных сил. Ни один режим не может быть назван демократическим до тех пор, пока его правители не будут править демократично, т. е. исполнительная власть не будет покушаться на конституцию, подавлять права личности и меньшинств, вмешиваться в дела законодательной власти и т. д. Таким образом, и гражданское общество только тогда становится демократическим, когда в нем сущест-

вует максимальная сила прямого группового участия в принятии решений, влияющих на жизнь граждан. Это с необходимостью требует множественности относительно мелких демократически структурированных и основанных на участии организаций.

Однако многие исследователи в области политических теорий, в том числе Дж. Коэн и Э. Арато [12, с. 73], считают, что демократия никогда не может быть полностью институционализирована и процесс демократизации бесконечен. «Нет такого момента, когда можно было бы расслабиться и сказать: вот теперь нами достигнута совершенная процедурная институционализация принципов демократической легитимности. ... Демократия должна рассматриваться как истина, требующая доказательств, процесс обучения независимо от того, какое достигнуто институциональное устройство политической системы. Каждая реальная организационная форма демократии имеет свои механизмы исключения. В современной представительной демократии умалывается значимость тех, кто не состоит в членах мощных добровольных ассоциаций или партий; прямая демократия исключает политически неактивных людей, не ставящих на первый план проблемы общественного блага; территориальная демократия дискриминирует производителей; производственная – потребителей. И никакая комбинация этих принципов не может полностью устранить исключения. Вместо этого мы выступаем за множественность демократических форм как идеал институционализации современного гражданского

общества, но утверждаем, что, даже продвинувшись в этом направлении, все равно необходимо различать нормативные принципы демократической легитимности и вопросы организации верховной власти с тем, чтобы первые могли служить моральной отправной точкой для критики последней».

Конечно, демократизация как процесс несет в себе множество издержек. Некоторая неопределенность перспектив социально-политического развития – естественный атрибут демократической системы. Она заложена в самом принципе состязательности общественных интересов, отличающем демократию от авторитаризма. Как писал Адам Пшеворски [16, р. 58], институционализация демократии – это «институционализация неопределенности». Но у последней есть и пределы: ее регулирует набор правил и условий, признаваемых и соблюдаемых всеми общественными группами. В нормальной демократии речь идет, таким образом, об «ограниченной неопределенности», или, как формулирует Ф. Шмиттер [18, р. 536], об «относительной неопределенности, твердо регулируемой относительными определенностями».

И в заключение: весь исторический опыт развития демократии показывает, что она укореняется только там, где государственные институты и система государственного управления «погружены» в питательную среду граждански активного общества. Истоки и устойчивая опора демократии – в гражданском обществе, которое, по сути своей, есть не что иное, как энергия общественно-политической самодеятельности и социальной самоорганизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Политические исследования. 2004. № 4.
2. Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Изд-во «Весь мир». 2003.
3. Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М.: Изд-во «Весь мир». 2006.
4. Сморгунов Л. В. Современная сравнительная политология. РОССПЭН. 2002.
5. Beetham D. Liberal democracy and the limits of democratization // D. Held (ed.) Prospects for Democracy: North, South, East, West, Cambridge: Polity Press. 1993.
6. Beckman B., Sjogren A. Civil Society and authoritarianism: Debates and issues – an introduction // B. Beckman, E. Hansson and A. Sjogren (eds.) Civil Society and Authoritarianism in the Third World, Stockholm. PODSU. 2001.

7. *Diamond L.* Toward democratic consolidation // Journal of Democracy 5. 1994.
8. *Dryzek J.S.* Political inclusion and the dynamics of democratization // American Political Science Review 90. 1996. N 1. P. 475–487.
9. *Gottlick B.J.* From the ground up: Women's organizations and democratization in Russia" // J. V. Bystydzenski and J.Sekhon (eds.). Democratization and Women's Grassroots Movements, Bloomington, IN^ Indiana University Press, 1999.
10. *Howard M. M.* The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
11. *Levi M.* Social and unsocial capital: A review essay of Robert Putnem's Making Democracy Work. Politics & Society 24. Vol. 1. 1996.
12. *Linz J., Stepan A.* Toward Consolidated Democracies / Journal of Democracy. 1996. Vol.7. No 2. P. 36–48.
13. *Linz J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1996.
14. *O'Donnell G., Schmitter Ph. and Whitehead L. (eds).* Transitions from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy. Baltimore: The Johns Hopkins University, 1986.
15. *Plattner M.F.* From Liberalism to Illiberal Democracy // Journal of Democracy. 1999. Vol.10. No. 3 (July). P.121–134.
16. *Przeworski A.* Some Problems in the Study of the Transition to Democracy. In: G.O'Donnell, Ph.Schmitter, L.Whitehead (eds.) Transitions from Authoritarian Rule. Prospects for Democracy, Baltimore, Vol. .III. 1986/ P. 142–156.
17. *Schmitter Ph.* Interest Systems and the Consolidation of Democracies // Reexamining Democracy. Essays in Honor of Seymour Martin Lipset / Ed.by G.Marks. L.Diamond. Newbury Park. London. New Delhi: Sage Publications. 1992.
18. *Schmitter Ph.* The Consolidation of Political Democracies: Processes, Rhythms, Sequences and Types. In G.Pridham (ed.) Transitions to Democracy. Comparative Perspectives from Southern Europe, Latin America and Eastern Europe, Aldershot. 1995.
19. *Schumpeter J.* Capitalism, Socialism and Democracy. London: George Allen & Unwin. 1976.
20. *Uhlen A.* Post-Soviet Civil Society. Democratization in Russia and the Baltic States. Routledge. Taylor&Francis Group. L. and N.Y. 2006.